

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

21 мая 2012

Аноним

Новая киническая философия

Аноним

Новая киническая философия

2011

Оригинал опубликован на Индимедии ru.indymedia.org

Сохранено 9 мая 2012 года из falshe.com

2011

ки животных, воздержитесь, это не призыв) и пить воду из фляжки или бурдюка, а не из пластиковых бутылок. Предпочитаете ли вы питаться на помойках, с огородика или в лесу, пусть аппетиту день ото дня способствует здоровый голод и радость труда! Безумная и преданная любовь ещё открыта для тех отважных, кто пожертвует ради неё удобствами, страхами и эгоизмом. Каждый любит посидеть на солнышке или погреться у огня зимним вечером, но совершенно не обязательно иметь центральное отопление. Руки, даже если перестали испытывать радость от труда за деньги, а затем и от труда ради благого дела, революции или саморазвития, снова узнают радость труда для выживания и честной жизни. Вы можете наслаждаться одиночеством или создать семью (лично я верю, что на каждого Кратета найдётся своя Гиппархия, но и знаю, что многие киники не обзаводятся семьёй и не оставляют потомства), можете читать мудрые книги и петь красивые песни, или просто жить, можете готовиться к войне или катастрофе или просто встречать рассвет, можете иногда пить, курить и есть грибы, мастурбировать или заниматься йогой и жить чистой жизнью, жить отшельником или в общине, но пусть вы будете истинным киником, независимым и твёрдым в своей добродетели: это не мир сошёл с ума, это какие-то безумцы захватили часть суши, возомнили себя богами и совершенно запутались. Конечно, мы – это они, и высокомерие тут неуместно. Но, покаявшись, попросив прощения у своего сердца, откроем для себя новый день: будем радоваться ему каждое утро, несмотря на холод и жару, а, если придётся погибать, то не умрём без боя! Путь такой жизни и смерти показали нам Тед Качинский, Масанобу Фукуока, Деррик Дженсен – это новые киники. Их появление свидетельствует о скором конце новой Греции и нового Рима.

Сотни, если не тысячи, людей по всему миру совершенно осознанно отказываются от плодов цивилизации. Десятки, если не сотни тысяч, людей всё ещё живут примитивным способом на своих пока не тронутых, не разрушенных землях. Многие, видя наступление цивилизации, втыкают свой колышек в землю и сражаются до собственной смерти. Дженсен призывает нас вбить наш колышек и не отступать более: «фашисты-окупанты разрушают планету» – говорит он – «Как далеко вы намерены отступить? Где вы наконец остановитесь?!» Но война, конечно, не единственное возможное занятие, и не каждый становится войном-псом. Если вы – индеец в горах Юго-Востока Мексики и вы верите во что-то, то вам, конечно, стоит за это постоять. Если ваше сердце горит и манит вас защищать леса, зверей и малочисленные народы – последуйте этому призыву. Почему нет?! Что может быть дороже?! Возможно, отсроченное вами уничтожение заповедника или племени позволит разбросать семена и разрастись снова после, и ни флора, ни фауна, ни *homo sapiens* не исчезнут в известных нам видах. Если же вы просто решите свободно и счастливо жить, последовательно и честно, без всяких уловок и, как Фукуока, исследовать вкус семи трав, то пусть колышек ваш будет вбит там, где ваш новый дом. Но пусть мы уже не будем отступать, если к нам придёт цивилизация и пожелает превратить землю в асфальт, свалку, пустыню или вырубку, а людей – в товар или рабов. И даже если вы не привязаны ни к какой местности и предпочитаете бродяжничать и перемещаться, – что мешает вбить колышек в своё собственное сердце? Дальше него отступать нельзя, ведь так?

Большие, опасные и удивительные путешествия всё ещё существуют для тех, кто предпочитает передвигаться пешком, или, на худой конец, на велосипеде или на лошади (защитни-

Окружающая меня часть суши опутана сетью дорог, проводов, серверов и полицейских участков. Я говорю: окружающая часть суши, потому что есть гораздо большие участки суши, на которых всего этого практически нет. Мы очень часто забываем об этих просторах, в своей гордыне воображая себя целым миром, но от этого они не перестают существовать, не правда ли? И, может быть, они гораздо важнее, чем все антропогенные ладшафты (включая прекрасные курорты и места, где белые неформалы покуривают индийскую травку).

В последнее время верить во что-то стало как-то неудобно. Не от того ли, что веры наши поизносились и более не могут скрывать дырок, какие бы новые заплатки мы для них не придумывали? Возможно, и вы всё ещё верите в прогресс. Конечно, вряд ли вы называете это так. Быть может, вас прельщает гражданское общество, экологическая модернизация, электронная демократия, взрывной скачок технологий или уничтожение государства вследствие изменения духовного состояния человечества или роста протестных движений? Но почему вы ждёте перемен к лучшему или даже активно их добиваетесь? Разве «прогрессивная» часть общества не добивалась перемен к лучшему и не возлагала свои надежды на новые условия, технологии и собственные силы на протяжении долгого времени? «Раскрепощали» крестьян, героически строили больницы для туземцев, боролись за свободу колоний, проповедовали равенство и поднимали восстания? И что получили: полное разрушение деревни, демографический (и какой угодно другой) кризис в «свободной» Африке, неолиберализм? Видите ли вы в этом перемены к лучшему? И если да, то объясните мне, в чём они, что за загадочный «вперёд», к которому мы двигались с помощью лучших (не говорите мне о подонках – они лишь закрепляют результаты и делают их закономер-

ными) представителей общества? А если нет, то почему вы считаете, что мы стали умнее, что то, что мы делаем сейчас ради загадочных изменений к лучшему, не сделает всё ещё хуже? Применяя хитрые системы орошения на территориях нынешних пустынь Гоби и Сахары, люди несколько тысяч лет назад наверняка до последнего хотели сделать как лучше и совершенствовали свои институты и технологии как могли, но оставили после себя лишь пустошь . . .

Признаем честно, что это началось давно (и мы в точности не знаем, когда и как, хотя есть разные предположения). Сначала всё держалось на прямом насилии и угрозе физической смерти. Затем, вероятно, для увеличения эффективности (вам тоже говорили в школе, что феодализм экономически эффективней рабовладения, а капитализм – феодализма?), появилась косвенная зависимость через собственность на землю и то, что она даёт, что угрожало не смертью, но голодом. На новой ступени развития системы усовершенствование состояло в выпуске ценных бумаг и сложной системе налогов, сборов, бюджетов и долгов, что делало зависимость ещё более косвенной и абстрактной, но было гораздо удобнее и эффективнее для «наильника» (назовём это так, используя слова дедушки-графа, цитируемого здесь). Теперь система управляется компьютерами, колебаниями цифр, экономическими расчётами, телевизорами и таблетками. И каждый раз речь шла о шаге вперёд (и, конечно, в более гуманную сторону). Уничтожение рабства, раскрепощение крестьян, появление гражданских прав, распространение сетевых технологий – не рассматривалось ли это в каждую эпоху как движение к лучшему? Но, конечно, дедушка-граф указал нам на то, что один «винт» ослаблялся только тогда, когда другой был «ввинчен» куда круче прежнего, хотя изменения принимались «прогрессивной общественно-

нашей заслугой (в один день всё станет настолько плохо, что дальше некуда . . . будет ли это нашей победой?). Но нам нужно иметь какую-то веру, и – бороться с государством, почему бы и нет . . . но нет сил, нет сил больше обманывать себя и других. Нет больше никакого будущего, которого надо достичь. Нет завтра, где мы будем умней, мудрей, или нас будет больше, или то, что мы сделаем сегодня, наконец даст свои плоды. Люди рождались и умирали, и все на что-то надеялись. Мы не исключение. Условившись на этом, поищем более радикальное решение (на этот раз честно и для себя, а не для «них» или для всех). Ведь, в самом деле, не является же всё это нам совершенно необходимым! Многие тысячи лет люди жили (а многие и живут) без всякой науки и цивилизации (я не говорю «без культуры»), и биологически мы не так уж отличаемся от своих предков, чтобы тут же умереть или стать совершенно печальными, совершив этот шаг. Конечно, какое-то время придётся помучаться из-за отсутствия комфорта и удовольствий, которыми мы долгие годы заменяли смысл жизни, но зато сознание собственной честности и рост независимости будут давать новые надежды и радости! Не хотелось бы вам всё бросить, и – пожить? Безоглядно? Что мешает вам сделать этот шаг прямо сейчас? Или хотя бы прямо сейчас наметить постепенный план этого выхода и последовательно следовать ему? Пожалуй, жаль будет потерянных перспектив . . . интернет, толпы людей, проекты и планы – столько возможностей . . . но, стоит быть честными до конца, как эти возможности оказываются дутыми, иллюзорными – за ними не следует ничего, кроме бесконечного повторения того же самого пути не туда, того же пути, от которого уже ноет сердце. И, неохотно побросав иллюзорные мотоциклы и парaplаны, приходится ползти на Фудзияму с помощью своего хрупкого тела.

новую веру: веру в то, что я (и, возможно, какие-нибудь мы) могу и можем от всего этого отказаться. . . хотя и не хочется, но посмотрим честно: есть ли у нас другие пути, или мы хотим морочить себе голову до самой смерти: не стыдно, не жалко ли будет умирать? Возможно, у вас достаточно смысла, чтобы следовать своим убеждениям и не нуждаться в вине, в сидении за компьютером, в том чтобы быть «правильным», «хорошей» (или «плохой») или в других удовольствиях. . . возможно. Но если вам, как и многим, нужны всё возрастающие дозы каких-нибудь (даже самых «правильных» или самых «протестных») удовольствий чтобы просто оставаться на плаву, то давайте разберёмся: в чём причины нашего отчаяния, депрессии и желания отвлечься? Ведь не является же депрессия врождённой или естественным следствием ухудшающейся экологии! Быть может, причина в нашей собственной непоследовательности, в том, что мы до бесчувственности заглушали своё сердце в минуты, когда оно кричало: «Хватит!»? Мы много раз приходили к отрицанию той системы, которая нас окружает. Но мы не уходили, мы шли в обход, скрипя сердцем, и обливаясь потом, чтобы придумывать себе новые утешения, чтобы остаться. Но утешений нет. На какое-то время мы можем прислушаться к словам Теда Качинского о том, что нам надо способствовать разрушению индустриальной цивилизации. Но что мы сделаем для её разрушения? Что мы вообще можем сделать, чтобы ускорить или замедлить разрушение цивилизации? И кто может быть более эффективным разрушителем цивилизации, чем она сама, катясь вместе с нами в Тартар? Приходится признать, что бороться с государством настолько же бессмысленно, как с погодой, хотя государство и самая вредная вещь. Это вовсе не значит, что государство будет вечно, как не будет вечен ни один дождь или засуха. Но, когда его не будет, это не будет

стью» с воодушевлением и часто благодаря искреннему подвижничеству. И что каждый раз эффективность разграбления увеличивалась, хотя нам было приятнее говорить о росте гуманности и новых надеждах. И, самое главное, что все эти системы держались и держатся на одном исходном элементе – на угрозе прямого насилия и убийства (ну или, скажем, «лечения»). И если вы сорвёте весь маскарад, построенный, чтобы не замечать очевидного, вы увидите непременно и рост аппарата этого насилия. Но простите за повторение классики. Вам больше по душе «левые» проекты? Все перечисленные «винты» насилия над людьми вместе с ослаблением здоровья людей (как богатых, так и бедных) и уничтожением природы в той или иной мере характерны для любой известной нам цивилизации. Что заставляет вас думать, что другой способ существования цивилизации возможен? С чего вы взяли, что люди вообще могут разумно управлять технологиями? И что люди вообще могут управлять разумно? Я могу поверить в то, что изобретения происходят при помощи разума, но как вы убедите меня, что они использовались или хотя бы могут использоваться разумно? Не больше ли похоже, что технологии, социальные институты и системы, необходимые для их воспроизводства и развития, управляют людьми, а не наоборот? Что не гений человеческого разума развивает экономику, государство и общество, а экономическая, социальная и государственная машина обрабатывает разум под себя? Это всё вам, конечно, хорошо известно, но почему же вы верите в гуманные ценности и, если не в разум, то в благую природу, в коллектив или во что угодно в этом духе? Почему вы считаете, что мы можем разумно устроить общество, не говоря уж о его разумном изменении и переустройстве? Где вы найдёте такие примеры (не говорите мне о революциях: вы прекрасно знаете,

кем они начинались, и кем – заканчивались)? Что, были «хорошие революции» . . . в 1905? Они были задушены. Да что вы? Что заставляет вас думать, что когда-нибудь будет по другому? Что заставляет вас надеяться? Вот мой вопрос. Можете ли вы честно на него ответить? Или вы обнаружите, что и ваша вера и надежды настолько поизносились, что вы носите их лишь по одной причине: боясь остаться совершенно до неприличия голым в нашем суровом климате?

Быть может, мы все такие упорные прогрессисты, что до сих пор говорим о солнечных батареях, протестах и интернет-сетях с воодушевлением чтобы как-то скрыть от себя безвыходность (собственного, личного) положения? В самом деле, не бросать же это всё? Не отречься же от «всего», что составляет нашу жизнь и является важным её условием. Куда мы пошли бы после такого отречения? Есть ли нам куда идти? Здесь тёплая вода, свет, интернет, здесь много развлечений и здесь КОРМЯТ! Что ещё нам известно? Каждый ребёнок готов ругать мамку и капризничать, но кто готов от неё отказаться? И, поскольку мы не можем сделать этого шага, шага вникуда, в неизвестность, в некомфортность (даже в участке, в дурдоме и в тюрьме о нас позаботятся, не правда ли? И легче стать радикальным активистом или психом, чем действительно покинуть этот дом), нужна же нам хоть какая-то вера и какие-то надежды (и если в вас был поколеблен материалист, кстати пришла вера в 2012 и в преображение на тонком плане (раз на грубом не получается)) . . . Что заставляет вас надеяться повлиять на «них» (на кого на них?) – не собственный ли желудок? Чтобы сидеть за компьютером хотя бы в относительном тепле и комфорте, надо найти для этого хоть какую-то причину. Подойдёт какая-нибудь идея: левая, гражданская, радикальная или не очень, нью-эйдж, вера в информационные технологии

или психоделики. Ну, здесь я не говорю про всех остальных, у кого достаточно причин: и «все так делают», и различные удовольствия . . . да и кто от этого свободен? Разве мы не обязаны множеством удовольствий этой системе, с которой боремся? Вы можете хвалиться тем, что вы на неё «не работаете», что вы работаете «против» и что вы даже «паразитируете» на ней, но, пожалуйста, давайте признаем нашу гордыню. Паразиты, насколько известно, приносят какой-то вред своему носителю, а какой вред способны принести мы своим «паразитизмом на системе»? И как вообще можно паразитировать на том, что идеально заточено для паразитизма на нас? Давайте признаем, что, пользуясь этими ресурсами и удовольствиями даже бесплатно, как паразиты, мы жертвуем уже тем, что не становимся независимыми, сильными, подлинными! Пока мы жрём еду, кем-то выращенную и упакованную, мы её жрём. Это так. Мы остаёмся в нашей тёплой клетке и можем сколько угодно её ругать, переделывать, взрывать и модернизировать . . . не для её же развития? Всё ли вы ещё верите вашим собственным словам и, скажем, записям в блогах? Не чувствуете ли вы неловкость? Не готовы ли вы хотя бы теперь признать, что никакого «вперёд», завтра, никакого будущего, завтра больше нет, и что стремиться не к чему? И что остался только наш хотя бы частично сытый желудок и «что-нибудь», что будет дальше? . . .

. . . антракт.

Но вы, конечно, поняли, к чему я клоню. Я настолько же, если не более, чем другие, люблю эти удовольствия, и моё тело привыкло к замечательному комфорту. И я в таком же отчаянном положении. Но, пережив это отчаяние и признав безвыходность положения, я (поскольку и мне, как любой твари, хочется жить под солнцем и нужно во что-то верить), утверждаю в себе